

© 2024

УДК: 339.9

Илья Медведев

научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: ilya13092@yandex.ru)

ВНЕШНЕТОРГОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СГ–ЕАЭС–БРИКС: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследование посвящено анализу торгово-экономического взаимодействия Союзного государства (далее – СГ), ЕАЭС и БРИКС+. Цель работы проанализировать тенденции развития экономического сотрудничества в рамках СГ–ЕАЭС со странами БРИКС+, выявить потенциальные направления развития экспорта России и стран указанных объединений. Для оценки тенденций торгово-экономических отношений в рамках СГ и ЕАЭС используются индексы интенсивности торговли, что позволяет определить наиболее перспективных торговых партнеров среди стран БРИКС+. В ходе исследования также обнаружена необходимость оценки потенциала и перспектив увеличения экспорта стран СГ и ЕАЭС в страны БРИКС+. Для решения этой задачи произведена оценка индекса склонности к экспорту стран СГ и стран ЕАЭС в страны БРИКС+, что позволило выявить пределы и средства для реализации возможных программ сопряжения развития формата СГ, ЕАЭС со странами расширенного формата БРИКС+.

Ключевые слова: Союзное государство, ЕАЭС, БРИКС+, торговые индексы, связанность.

DOI: 10.31857/S0207367624120074

Введение

После событий февраля 2022 г. в России произошло определенное переосмысление внешнеторговой стратегии, которая стала исходить из необходимости диверсификации экспорта и поиска новых торговых партнеров. Новые реалии на внешнем контуре потребовали от России реформирования подходов во внешнеэкономической деятельности. На первый план вышло развитие взаимоотношений со странами, не присоединившимися к антироссийским санкциям. Сейчас на их долю приходится более половины российской внешней торговли – около 60% товарооборота по итогам 2022 г. Появились перспективы усиления экономического сотрудничества и взаимодействия с Индией, странами Юго-Восточной Азии, Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Боливия, Никарагуа), странами Африки (Египет, ЮАР, Кения, Нигерия и Эфиопия), а также странами ЕАЭС и СНГ [1]. На этом фоне можно наблюдать активизацию интеграционных процессов в рамках существующих форматов экономического взаимодействия между странами постсоветского пространства (далее – ПСП). Одним из таких форматов взаимодействия, которому посвящено данное исследование, является Союзное государство (далее – СГ) и его роль в развитии разноуровневых проектов регионализации. Обращаясь к работам, посвященным анализу перспективных направлений развития СГ, можно выделить тезис о том, что в последние годы произошел качественный скачок в развитии объединения. Новое качество проявляется в создании предпосылок

развития миссии СГ как инновационного ядра евразийских интеграционных проектов в контексте сопряжения евразийской интеграции с дружественными странами и объединениями, к которым можно отнести новый формат БРИКС+, в который вошли многие страны, ставшие новыми торговыми партнерами России [2].

Тенденции торгово-экономических отношений в рамках Союзного государства, ЕАЭС и БРИКС

Предваряя анализ современного состояния внешнеторгового взаимодействия и возможностей сопряжения рассматриваемых стран и интеграционных проектов, важно обобщить и выделить основные методы, которые используются как отечественными, так и зарубежными авторами при исследовании интеграционного взаимодействия между странами. Как правило, при исследовании интеграционных процессов авторы часто прибегают к исследованию двусторонних торговых связей между странами и факторов, влияющих на их развитие. Так, можно выделить исследования международной торговли, включающие в себя исследование динамики и соотношения мировой торговли в цифровом сегменте и общего мирового товарооборота, выявление темпов этой динамики, установление ее закономерностей с выделением позиции стран-лидеров мировой торговли высокотехнологичными товарами, а также место и роль в нем России с использованием сравнительной оценки динамики и тенденций развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира. В этом случае, как правило, ведется исследование динамики экспорта и импорта товаров высоких технологий, сальдо внешней торговли, доля этой торговли среди стран–лидеров в мировой торговле и во внешней торговле этих стран в целом и сопоставление сформировавшегося тренда с общим трендом развития мировой торговли [3].

Указанный подход позволяет выделить степень развития внешнеторгового взаимодействия по отдельным странам с выделением регионального лидера, однако одновременно с этим остается ряд таких важных факторов, как население страны, фактор логистики и расстояния, развитости инфраструктуры и прочие факторы, которые не получают достаточного освещения с помощью представленного метода анализа.

По этой причине для анализа внешней торговли ряд исследователей прибегают к использованию гравитационной модели внешней торговли. Гравитационная модель включает географическую перспективу как функцию двух критериев: масса (ВВП, основные фонды, численность населения и т.д.) и расстояние. Часто с помощью данной модели пытаются объяснить связь между двумя экономическими центрами их двусторонними связями, предполагая, что инфраструктура и институциональные рамки способствуют расширению взаимодействия между странами. Как пример, гравитационная модель может использоваться для оценки изменения объема грузовых перевозок, которые могут возникнуть в результате повышения эффективности затрат на транспортировку в результате усовершенствования транспортных коридоров. Однако гравитационная модель также не лишена недостатков, которые могут проявляться как в высоких значениях погрешности, так и показателях, при которых страны могут нарушать сам принцип данной модели. В качестве

примера тезиса можно привести исследование торговли среди стран БРИКС и те выводы, которые были получены при анализе объединения с применением гравитационной модели. В частности, помимо чрезвычайно высокой погрешности данных для Индии и ЮАР, показано выполнение «антигравитационного» закона для Бразилии, где объем импорта возрастает с ростом удаления страны-контрагента с тенденцией к увеличению. К причинам такого явления относят то, что импорт составляют специфичные товары, т.е. это те товары, аналогов которых в Бразилии попросту нет [4].

Кроме того, при гравитационном моделировании достаточно сложно исследовать изменения в политической сфере. Проблема состоит в том, что в гравитационную модель сложно включить переменную в виде проводимой политики стран [5]. Также важно подчеркнуть, что само применение гравитационной модели является достаточно сложным и трудоемким процессом, который требует очень обширную базу данных для расчета корреляций. Стоит отметить, что для построения надлежащей гравитационной модели обычно используют индексы и данные Всемирного банка, которые могут как публиковаться с задержкой, так и вовсе отсутствовать ввиду непредоставления статистики некоторыми странами, что значительно затрудняет построение объективной гравитационной модели торговли.

Переходя к исследованию процессов внешнеторгового и интеграционного взаимодействия в рамках рассматриваемых объединений, необходимо выделить специфику, в условиях которой производится оценка факторов, влияющих на перспективы развития торговых потоков экспорта стран ЕАЭС, СГ и России, Белоруссии, в частности. В данном исследовании интеграция понимается как результат асимметричных двусторонних отношений, т.е. как двусторонних — между двумя экономиками, так и асимметричных — различающихся в зависимости от того, чья точка зрения наблюдается.

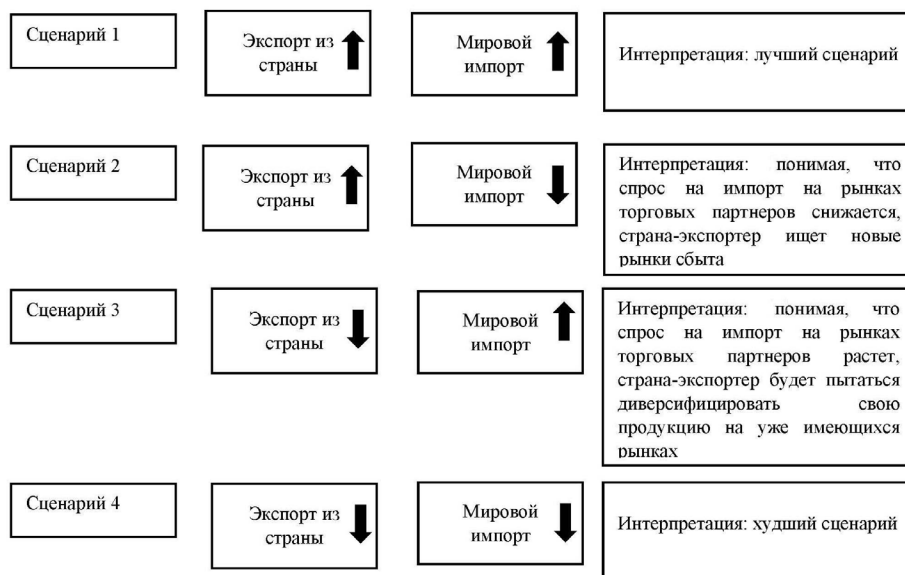
Оценка путей достижения задачи увеличения экспорта стран ЕАЭС производится с помощью торговых индексов. Предполагается, что выводы, сделанные в результате расчета торговых индексов, позволят выделить те страны ЕАЭС и БРИКС, развитие торговли с которыми принесет наибольший эффект для экономик стран СГ. В первую очередь рассмотрен индекс интенсивности торговли (trade intensity index или сокр. ТИ), используемый в аналитических отчетах Всемирного банка и ООН [6]¹. С помощью данного индекса можно определить важность взаимного экспорта стран СГ, ЕАЭС и БРИКС по сравнению с общемировым экспортом стран рассматриваемых объединений. Правила интерпретации индекса интенсивности торговли представлены на рис 1.

Важно подчеркнуть, что интерпретация индекса также может зависеть и от того, анализируются ли показатели стран в статике или динамике. Так,

---

¹ Индекс интенсивности торговли рассчитан по следующей формуле:
$$\frac{\sum_{sd} X_{sd} / \sum_{sw} X_{sw}}{\sum_{wd} X_{wd} / \sum_{wy} X_{wy}}, \text{ где}$$

X_{sd} — взаимный экспорт рассматриваемых стран, X_{sw} — общий экспорт рассматриваемых стран, X_{wd} — общий мировой экспорт в рассматриваемые страны, X_{wy} — мировой экспорт.

Рис. 1. Интерпретация индекса интенсивности торговли на основе первичных показателей экспорта и мирового импорта в рассматриваемую страну

Источник: составлено по [7].

если рассматривать исследование, посвященное изучению внешнеторгового взаимодействия наименее развитых стран Африки со странами БРИКС за 2018 г. [8], то показатель меньше единицы трактуется как фактически полное отсутствие экономического взаимодействия. Примечательно, что если рассматривать данный показатель в статике для развитых стран, то индекс интенсивности торговли редко будет превышать единицу. Как пример, за 2023 г. для таких пар стран, как Великобритания–США, индекс равен 0,34, для Германии–Австрии индекс будет 1,07, а для Венгрии–Германии – 0,59. При интерпретация данного показателя в статике это примерно соответствует уровню Мозамбик–Индия (0,36) в первом случае, Малави–ЮАР (1,22) во втором и Ангола–Индия (0,54) в третьем. При этом стоит учитывать, что в качестве примера развитых стран были взяты такие пары, которые обладают наиболее тесным торговым взаимодействием (так, для Венгрии на долю Германии приходится 28% всего экспорта страны [9]).

Таким образом, представляется, что наиболее полной интерпретацией индекса является рассмотрение пар стран именно в динамике, где конечный показатель индекса в данном случае можно трактовать и как показатель важности страны как торгового партнера, и как силу интенсивности всплеска торговой активности в связи с перестройкой торговых цепочек и поиска новых рынков сбыта. В этом случае невысокие показатели развитых стран означают наличие устойчивых торговых связей, которые в рассматриваемый момент времени не подвержены сильным колебаниям и негативным политическим эффектам, таким как санкции, эмбарго на продукцию и т.д. Для этих стран наиболее вероятен сценарий 1 и 4 (рост или снижение без серьезной перестройки торговых цепочек и диверсификации продукции).

Результаты расчета индекса интенсивности торговли между Россией и Белоруссией в рамках СГ, а также между Россией, Белоруссией и странами ЕАЭС представлены в табл. 1.

Таблица 1

Индекс интенсивности торговли между СГ и ЕАЭС²

СГ					
Страны	2019	2020	2021	2022	2023
Россия–Белоруссия	4,97	5,24	4,61	8,1	12,81
СГ–ЕАЭС					
Страны	2019	2020	2021	2022	2023
Россия–Казахстан	2,72	3,08	2,95	3,91	4,61
Россия–Армения	0,43	0,51	0,34	1,02	1,84
Россия–Киргизия	0,29	0,34	0,34	0,71	0,75
Белоруссия–Казахстан	2,01	2,33	2,37	4,19	3,15
Белоруссия–Армения	0,80	1,18	0,94	13,10	9,35
Белоруссия–Киргизия	0,67	0,71	0,81	9,15	7,82

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10], официальные периодические издания.

Текущее состояние торгово-экономических отношений между Россией и Белоруссией характеризуется заметным ростом взаимной торговли. За последние пять лет объем товарооборота увеличился в 1,5 раза и составил в 2023 г. около 53 млрд долл. [11]. Показатель для России и Белоруссии интерпретируется согласно сценарию 2, в то время как для Казахстана, Киргизии и Армении характерен сценарий 1. Как видно из приведенных расчетов, с 2021 г. интенсивность торговли фактически утроилась, что говорит о возможностях усиления интеграционных инициатив в сфере экономического развития двух стран. Для сравнения, индекс интенсивности торговли между Германией и Францией в рамках ЕС в 2023 г. составил 0,95³. При этом стоит отметить, что хотя товарооборот между указанными странами и превышает товарооборот России и Белоруссии в 3 раза, показатель интенсивности торговли позволяет рассматривать возможности усиления интеграционных инициатив в рамках СГ ввиду большого числа еще не реализованных возможностей.

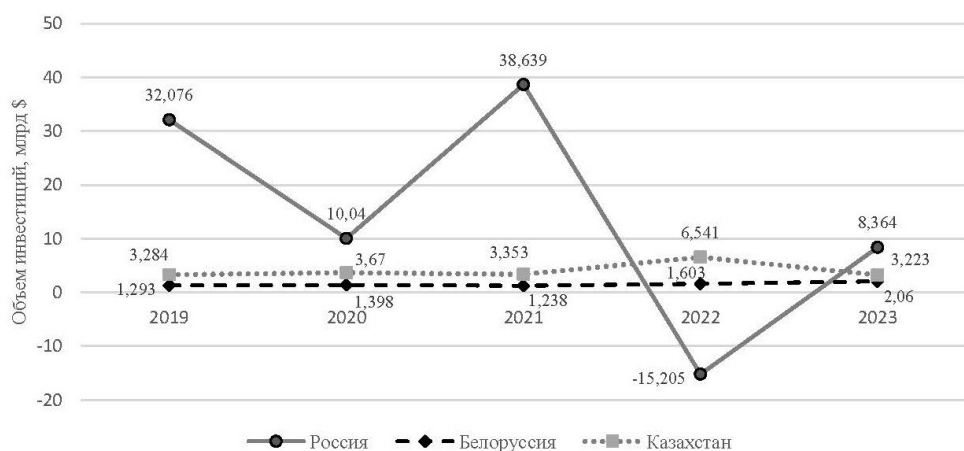
Наличие тесных торговых связей опосредует наличие перспектив для расширения экспорта СГ в другие страны ЕАЭС. В целом, несмотря на последствия пандемии 2020 г. и ввод всеобъемлющих санкций западных стран, с февраля

² Расчеты за 2022 и 2023 г. производились на основе зеркальной статистики и данных официальных периодических изданий стран СГ, ЕАЭС (прим. автора).

³ В отличие от исследований, которые применяют коэффициент интенсивности торговли к странам периферии и полупериферии [8], следует учитывать, что низкий показатель интенсивности торговли применительно к развитым странам не всегда может отражать низкую вовлеченность стран в торговлю друг с другом, так как небольшие показатели индекса интенсивности торговли можно представить как наиболее полную интеграцию между заинтересованными странами (как пример, возможна ситуация, когда все возможности увеличения выгоды от взаимной торговли могли быть использованы [12]) (прим. автора).

2022 г. фиксируется устойчивый рост интенсивности торговли как в рамках СГ, так и торговли со странами ЕАЭС. В 2023 г. стабилизировалась ситуация, связанная с сильнейшим оттоком инвестиций из России в 2022 г., несмотря на санкции, устойчивый рост объема прямых иностранных инвестиций демонстрирует и Белоруссия, что можно наблюдать на рис. 2.

Важно выделить, что скачкообразный рост интенсивности торговли в 2022 г. наблюдался у таких пар стран, как Белоруссия–Армения и Белоруссия–Киргизия. В случае России можно наблюдать усиление торговых связей с Казахстаном и Арменией. В современных условиях геополитической напряженности и масштабных антироссийских санкций Запада возросло геοэкономическое значение стран Центральной Азии и стран Южного Кавказа, которые с 2022 г. стали играть важную роль в обеспечении транзитной торговли [14]. Несмотря на некоторый спад интенсивности торговли в 2023 г., можно наблюдать дальнейшее усиление центральноазиатского направления внешнеэкономической деятельности России и Белоруссии. Также стоит обратить внимание на страны Закавказья, и в частности Армению, где наблюдается скачкообразный рост интенсивности торговли с Белоруссией. Этот аномальный рост интенсивности торговли между Белоруссией и Арменией можно объяснить как релокацией российского бизнеса в Армению [15], так и активным развитием торговли с дружественными странами с помощью параллельного импорта транзитом через страны ЕАЭС. Здесь можно обратиться к исследованию торгово-экономической связанности на примере ЕАЭС–БРИКС+. Так, в 2022 г. можно было наблюдать аномальное увеличение торгово-экономической связанности между странами ЕАЭС и новыми участниками формата БРИКС+. При незначительных показателях торгово-экономической связанности выделяются две пары стран: ОАЭ–Армения, где с 2019 г. произошло резкое увеличение связанности, а также ОАЭ и Киргизия, где в 2021 г. произошла аналогичная ситуация.

Рис. 2. Объем прямых иностранных инвестиций в страны «Большой тройки» ЕАЭС за 2019–2023 гг., в млрд долл.

Источник: составлено по данным World Investment report 2024 (UNCTAD) [13].

Основными категориями товаров, импортируемых в Россию из дружественных стран, оказалась в первую очередь высокотехнологичная продукция, представленная ТНВЭД 84,85,87. Для примера, в случае Армении по сравнению с 2021 г. в 2023 г. экспорт товаров в Белоруссию по ТНВЭД 84 вырос в 130 раз, по ТНВЭД 85 – в 50 раз. По Киргизии аналогичная ситуация: по ТНВЭД 84 увеличение в 570 раз, ТНВЭД 85 – в 80 раз.

При более подробном рассмотрении взаимодействия СГ и ЕАЭС со странами формата БРИКС+ можно отметить, что произошла сильная активизация торгово-экономического сотрудничества почти со всеми странами БРИКС за исключением ЮАР. Рост наблюдается не только с КНР, но и с Индией, где за счет экспорта товаров по группе 27 ТН ВЭД (топливо минеральное, нефть и нефтепродукты) произошло резкое увеличение товарооборота и соответственно рост торгово-экономической связанности между Россией и Индией, который составил почти 280% в сравнении с 2018 г. [16]. Настоящий тренд сохранился и в 2023 г., что можно наблюдать на примере интенсивности торговли между СГ-БРИКС (табл. 2).

Таблица 2

Индекс интенсивности торговли между СГ и странами БРИКС-4⁴

Страны	СГ– БРИКС-4				
	2019	2020	2021	2022	2023
Россия–КНР	0,31	0,28	0,28	0,39	0,53
Россия–Индия	0,32	0,41	0,35	1,12	2,24
Россия–ЮАР	0,10	0,13	0,10	0,09	0,11
Россия–Бразилия	0,36	0,35	0,41	0,56	0,79
Белоруссия–КНР	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02
Белоруссия–Индия	0,03	0,04	0,04	0,02	0,01
Белоруссия–ЮАР	0,01	0,02	0,01	0,08	0,005
Белоруссия–Бразилия	0,25	0,23	0,15	0,10	0,10
Страны	СГ– БРИКС+				
	2019	2020	2021	2022	2023
Россия–ОАЭ	0,18	0,14	0,19	0,39	–
Россия–Иран	0,22	0,26	0,25	0,32	–
Россия–Египет	0,50	0,55	0,44	0,65	0,97
Россия–Эфиопия	0,02	0,01	0,03	0,01	0,01
Россия–Саудовская Аравия	0,11	0,07	0,10	0,14	–
Белоруссия–ОАЭ	0,02	0,01	0,01	0,01	–
Белоруссия–Иран	0,07	0,10	0,05	0,18	–
Белоруссия–Египет	0,28	0,26	0,10	0,36	0,48
Белоруссия–Эфиопия	0,01	0,0002	0,01	0,02	0,01
Белоруссия–Саудовская Аравия	0,005	0,008	0,003	0,002	–

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10], официальные периодические издания.

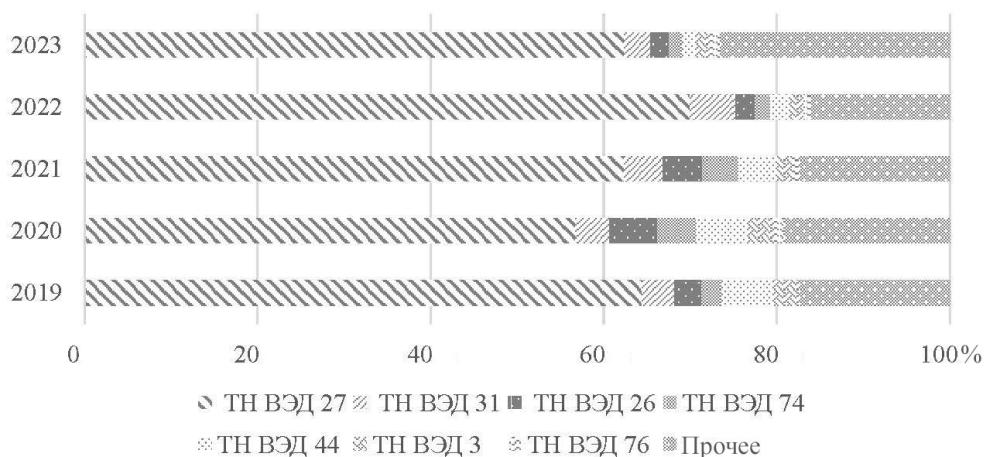
⁴ Расчеты за 2022 и 2023 г. производились на основе зеркальной статистики и данных официальных периодических изданий стран СГ, ЕАЭС (прим. автора).

Как видно из приведенных расчетов, в 2023 г. произошел хоть и незначительный, но рост интенсивности торговли практически со всеми участниками расширенного формата БРИКС+, сохранилась тенденция роста интенсивности торговли между парами стран Россия–Индия, где наблюдается наибольшее увеличение индекса интенсивности торговли. На рис. 3 представлена динамика изменений структуры экспорта России и Белоруссии в основные страны БРИКС.

В рассматриваемом случае структура торговли в целом однородна и осталась неизменной с преобладанием экспорта из России товаров по ТН ВЭД 27 и импортом из Индии товаров по ТН ВЭД 30,84,85,87. Схожую ситуацию можно наблюдать при анализе структуры торговли Белоруссии со странами БРИКС (без учета России) на примере рис. 4.

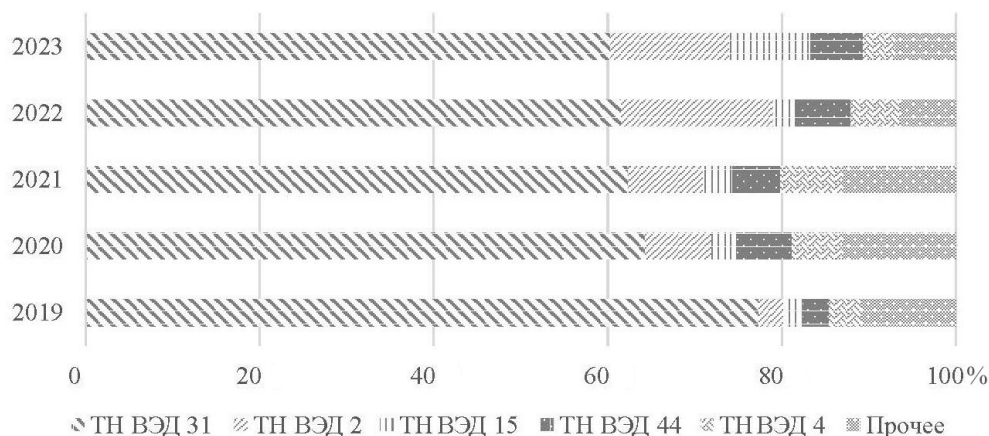
Структура экспорта Белоруссии в страны БРИКС (исключая РФ) представлена калийными удобрениями, которые входят в категорию ТН ВЭД 31. Здесь стоит обратить внимание, что ограничения, введенные против ОАО «Беларуськалий» в 2021 г., и расширение санкций в 2022 г. сократили экспортные возможности отрасли и привели к необходимости переориентации товарных потоков и выстраиванию новых маршрутов доставки. Подписанное межправительственное соглашение о транзите белорусских грузов через Россию в сентябре 2022 г., собственно говоря, стало отправной точкой усиления сотрудничества России и Белоруссии в сфере совместных инфраструктурных проектов. Это и схемы маршрутов с привязкой к российским морским гаваням (порт Астрахани и МТК «Север–Юг», Мурманск), осуществляется транзит и через сухопутные маршруты с использованием ж/д транспорта через территорию России [17].

Для оценки путей увеличения экспорта и возможностей связанности стран СГ, ЕАЭС со странами БРИКС рассмотрен индекс склонности к экспорту или

Рис. 3. Динамика изменений структуры экспорта России в страны БРИКС-4, 2019–2023 гг., в %

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10].

Рис. 4. Динамика изменений структуры экспорта Белоруссии в страны БРИКС-4, 2019–2023 гг., в %

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10].

trade propensity index, используемый ЭСКАТО ООН [18]⁵. В трактовке ЭСКАТО указанный индекс определяет долю экспорта в ВВП страны и характеризует зависимость национальных производителей от спроса на внешних рынках. К сильным сторонам индекса относят возможность выявления уязвимости к определенным типам внешних шоков (например, падение экспортных цен или изменение валютных курсов). К слабым сторонам или ограничениям можно отнести тот факт, что индекс может быть смещен вверх в результате применения страной процедуры реэкспорта. Также индекс может иметь отрицательную корреляцию, если экономики слишком различны по своему размеру (в этом случае высокий показатель склонности к экспорту может быть неподходящей целью политики с точки зрения эффективности). Расчеты индекса представлены в табл. 3.

Из приведенных данных можно увидеть высокую степень заинтересованности некоторых стран ЕАЭС в экспорте в страны БРИКС-4. В частности, такую заинтересованность демонстрирует Россия, Белоруссия, Казахстан и Армения, где фиксируется наибольший показатель склонности к экспорту, демонстрирующий уверенный рост. На основании этих данных можно предположить рост экспорта в краткосрочной перспективе. При анализе Киргизии можно наблюдать, что показатель индекса меньше единицы говорит о малой заинтересованности в экспорте в страны БРИКС-4. Вместе с этим иная ситуация обстоит с данными по странам БРИКС+.

В начале хотелось бы подчеркнуть, что справедлив тезис касательно того, что новые члены БРИКС+ обладают существенным экономическим потенциалом,

$$\sum_s X_{ds}$$

⁵Индекс склонности к экспорту рассчитан по формуле $\frac{GDP_d}{GDP_s}$, где X_{ds} – экспорт рассматриваемой страны в страну-партнер, GDP_d – ВВП рассматриваемой страны.

Таблица 3

**Индекс склонности к экспорту стран СГ, ЕАЭС в страны
БРИКС-4 и БРИКС+, в %⁶**

Страна	СГ, ЕАЭС – БРИКС-4				
	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	4,26	4,44	5,04	7,18	10,17
Белоруссия	2,68	2,72	2,91	3,22	4,23
Казахстан	4,74	4,74	5,43	6,36	6,40
Киргизия	0,76	0,5	0,89	0,71	0,70
Армения	4,1	7,24	8,02	5,48	4,34
Страна	СГ, ЕАЭС – БРИКС+				
	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	0,3	0,24	0,38	0,52	–
Белоруссия	0,32	0,22	0,13	0,22	–
Казахстан	0,19	0,17	0,35	0,27	–
Киргизия	0,21	0,86	1,84	1,66	–
Армения	0,48	0,71	0,39	2,83	–

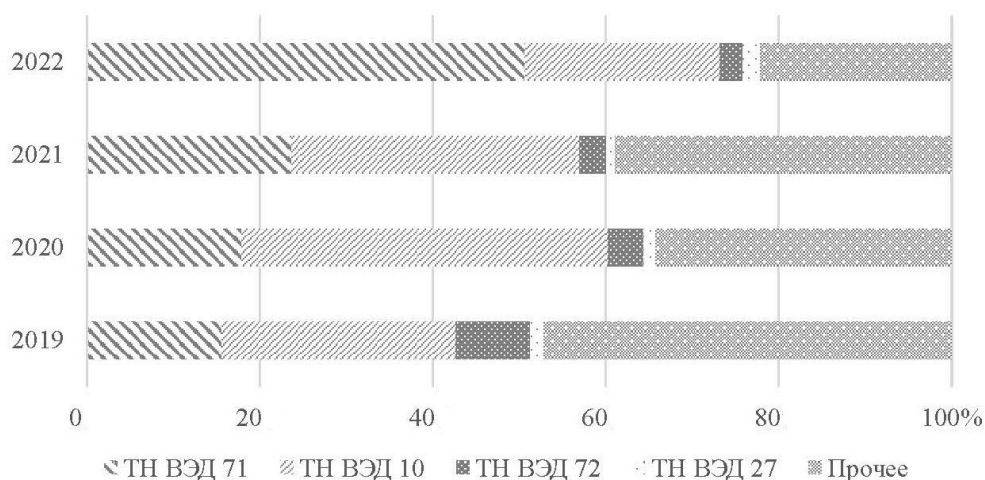
Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10], официальные периодические издания.

но он в целом составляет 12,5% от потенциала пяти старых членов БРИКС [19]. Заинтересованность в экспорте в новые страны БРИКС+ со стороны России, Белоруссии, Казахстана сравнительно невелика. Для России общий показатель экспорта в страны БРИКС+ составляет 8,6% от общего экспорта в основные страны БРИКС (на 2022 г.). Однако стоит обратить внимание, что высокие показатели демонстрируют Армения (с 2022 г.) и Киргизия (с 2021 г.). Если рассматривать структуру торговли России с новыми участниками БРИКС, то в целом можно отметить, что она более дифференцирована и представлена преимущественно ТН ВЭД 10, 71, 72, 27 (рис. 5). Основными торговыми партнерами выступают ОАЭ, Египет и Иран.

Указанное утверждение справедливо и для Белоруссии, общий показатель экспорта в страны БРИКС+ которой составляет 4,8% от общего экспорта в основные страны БРИКС (на 2022 г.). Структура экспорта более дифференцирована, представлена сырьевая продукция верхнего передела (рис. 6).

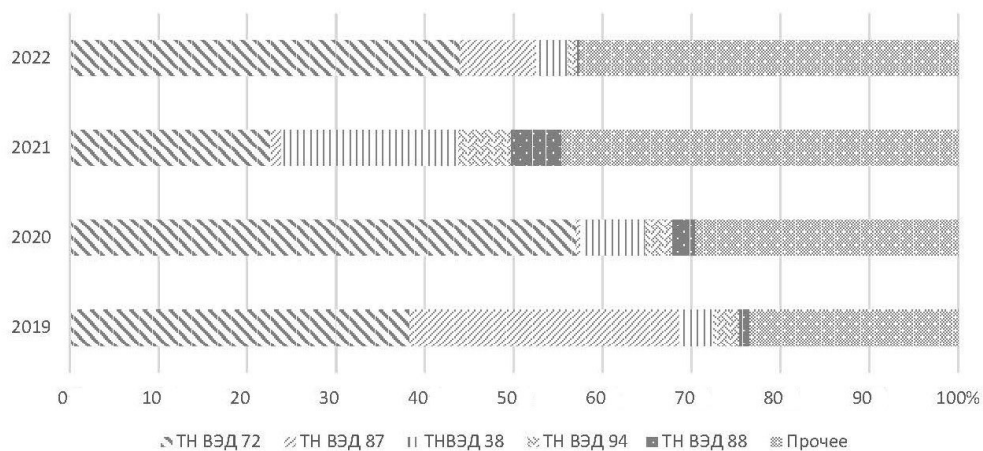
Если рассматривать взаимодействие ЕАЭС со странами расширенного формата БРИКС+, то здесь можно выделить торгово-экономическое взаимодействие с ОАЭ, где увеличение экспорта товаров со стороны Армении и Киргизии зачастую служит как оплата той же электроники, которая поступает в Россию, что фактически представляет собой обмен одних товаров на другие [20]. В результате можно наблюдать, что происходит постепенная актуализация взаимодействия

⁶ По причине отсутствия данных за 2023 г. по некоторым новым участникам при анализе стран БРИКС+ были взяты данные за 2022 г. Расчеты за 2022 и 2023 г. производились на основе зеркальной статистики и данных официальных периодических изданий стран СГ, ЕАЭС (прим. автора).

Рис. 5. Динамика изменений структуры экспорта России в страны БРИКС+, 2019–2023 гг., в %

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10].

Рис. 6. Динамика изменений структуры экспорта Белоруссии в страны БРИКС+, 2019–2023 гг., в %

Источник: рассчитано автором по ITC's Trade Map [10].

со странами БРИКС в обновленном формате, который набирает интерес для всех участников ЕАЭС, которые ранее демонстрировали отсутствие интереса к данному формату ввиду незначительной включенности в торгово-экономическое взаимодействие с основными участниками БРИКС, за исключением России. Уже сейчас можно говорить о дальнейшем расширении сотрудничества со странами БРИКС в сфере цифровизации логистики и транспорта, что представлено как на национальном уровне в виде Национальной цифровой транспортно-логистической платформы по обмену информацией со странами АСЕАН, БРИКС, ШОС и ЕАЭС, так и на уровне ЕАЭС в виде разработок универсальной платежной системы со странами БРИКС и платформ для дистанционной

работы в странах БРИКС. Стоит отметить, что большую роль в расширении сотрудничества играет цифровая повестка ЕАЭС, осуществляемая с помощью проектного подхода, который хоть и демонстрирует определенные успехи, но в целом большинство вопросов цифровизации вынесено на национальный уровень [21], что затрудняет проведение некой единой цифровой политики и, соответственно, тормозит реализацию цифровой повестки.

Заключение

Проведя оценку торговых индексов, можно сделать вывод, что в условиях современных тенденций развития национальных экономик СГ Россия и Белоруссия крайне заинтересованы в активизации торговли с новыми торговыми партнерами. Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод, что происходит структурная трансформация экономического взаимодействия в рамках СГ, где Белоруссия и Россия фактически поменялись местами и теперь Россия выступает страной–транзитером для белорусских товаров в страны ЕАЭС и БРИКС, равно как и обеспечивает транзит высокотехнологичных товаров из дружественных стран на территорию Белоруссии в условиях изменения товаропотоков.

В этой связи переориентация торговых потоков в новые дружественные страны актуализировала взаимодействие России со странами постсоветского пространства как в формате СГ, так и ЕАЭС, СНГ, с позиции их экономического сопряжения. В настоящий момент особой актуальностью в рамках СГ обладает совместная разработка транспортно-логистической платформы по обмену информацией со странами АСЕАН, БРИКС, ШОС и ЕАЭС, что является важным этапом реализации цифровой повестки СГ и в перспективе ЕАЭС. Это будет способствовать повышению экономической связанности [22] с торговыми партнерами расширенного формата БРИКС+.

В этом отношении под сопряжением различных форматов интеграционного взаимодействия в условиях цифровой трансформации национальных экономик понимается как расширение свободных потоков цифровых товаров, цифровых услуг и других высокотехнологичных продуктов, которые способствуют развитию цифровой экономики, так и схожесть государственной политики в области регулирования цифровой экономики и цифровизации интеграции. Представляется, что важную роль с позиции поиска точек соприкосновения и совместимости национальных программ развития цифровизации в части транспортно-логистического и торгового взаимодействия играет Россия как крупный участник всех трех объединений.

Логичное дальнейшее направление работы видится в кластеризации стран ЕАЭС по перспективам торговли со странами расширенного формата БРИКС+ в целях изучения наиболее перспективных направлений отраслевого сотрудничества и развития экспорта ЕАЭС в дружественные и нейтральные страны. Это, в свою очередь, позволит обозначить возможные пути взаимодействия между странами на основе экономических показателей и структуры экономики рассматриваемых стран.

Литература

1. Внешнеэкономическая стратегия России строится на диверсификации экспорта. URL: https://economy.gov.ru/material/news/vladimir_ilichev_vneshneekonomicheskaya_strategiya_rossii_stroitsya_na_diversifikacii_eksporta.html (дата обращения 09.09.2024).
2. Союзное государство в современных экономических и геополитических условиях: вопросы эффективного использования новых возможностей: Сб. науч. трудов международной конференции / Под ред. Л.Б. Вардомского, А.С. Кузавко и при организационно-технической поддержке В.А. Чмыревой. М.: ИЭ РАН. 2024. 246 с.
3. Шкваря Л.В., Фролова Е.Д. Компаративный анализ развития внешней торговли в цифровом сегменте по регионам мира // Экономика региона. 2022. Т. 18. Вып. 2. С. 479–493. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-13>
4. Трокурова И.С., Пелевина К.А. Гравитационные модели внешней торговли стран БРИКС // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. № 1–2. С. 133–141.
5. Infrastructure Connectivity // Japan G20 Development Working Group. World bank. January 2019. URL: <https://www.oecd.org/g20/summits/osaka/G20-DWG-Background-Paper-Infrastructure-Connectivity.pdf> (дата обращения 11.05.2024).
6. Cornia G.A., Scognamiglio A. (2016). Clusters of Least Developed Countries, their evolution between 1993 and 2013, and policies to expand their productive capacity // CDP Background Paper No. 33 (ST/ESA/2016/ CDP/33). <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/background-paper-33/> (дата обращения: 09.09.2024).
7. Trade Intensity Index URL: <https://pmi.mekonginstitute.org> (дата обращения: 5.11.2024).
8. Морозкина А.К., Скрыбина В.Ю. БРИКС и партнерство в интересах устойчивого развития: перспективы расширения торговли с наименее развитыми странами // Вестник международных организаций. 2021. № 1. С. 85–106.
9. Экономика Венгрии. URL: <https://moszkva.mfa.gov.hu/> (дата обращения: 5.11.2024).
10. ITC's Trade Map URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 09.09.2024).
11. Товарооборот между Белоруссией и Россией в 2023 г. достиг 53 млрд долл. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19947005> (дата обращения 09.09.2024).
12. Machlup F. A History of Thought on Economic Integration // Palgrave Macmillan; 1st ed. 1977. 334 p.
13. World Investment report 2024 (UNCTAD) URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>
14. Пылин А.Г. Тренды торгово-экономического взаимодействия России со странами Центральной Азии // Вестник ИЭ РАН. 2024. № 3. С. 76–87.
15. В каких условиях работает Российский бизнес, переехавший в Армению. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/63d7754a9a79477844203cfd> (дата обращения 09.09.2024).
16. Медведев И.В. Сопряжение интеграционных проектов БРИКС и ЕАЭС в контексте развития экономики России // Общество и экономика. 2024. № 3. С. 121–131.
17. Куда идут калийные потоки из Беларуси и что происходит у конкурентов. URL: <https://myfin.by/article/rynki/22616-kuda-idut-kalijnye-potoki-iz-belarusi-i-cto-proishodit-u-konkurentov> (дата обращения 09.09.2024).
18. Mikic M., Gilbert J. Trade Statistics in Policymaking a Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators // UNESCAP. URL: <https://artnet.unescap.org/publications/books-reports/trade-statistics-policymaking-handbook> (дата обращения: 09.09.2024).
19. Хейфец Б.А. БРИКС плюс – закономерный результат накопительной интеграции в условиях геополитической фрагментации мировой экономики // Общество и экономика. 2024. № 1. С. 109–121.
20. Параллельный импорт через ОАЭ. Есть ли проблемы у российских компаний. URL: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/parallelnyj-import-cherez-oae-est-li-problemy-u-rossijskih-kompanij/> (дата обращения 09.09.2024).
21. Попова И.М. Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС // Вестник международных организаций. 2021. № 1. С. 127–141.
22. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 110–124.

Ilya Medvedev (e-mail: ilya13092@yandex.ru)

Researcher,

Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics (RAS),

(Moscow, Russian Federation)

TRADE INTERACTION BETWEEN THE UNION STATE–EAEU–BRICS: MODERN TRENDS AND PROSPECTS

The study is devoted to the analysis of trade and economic interaction between the Union State of Russia and Belarus (hereinafter referred to as the US of Russia and Belarus), the EAEU, and BRICS+. The purpose of the work is to analyze the trends in the development of economic cooperation within the US of Russia and Belarus – EAEU with the BRICS+ countries, to identify potential areas for the development of exports from Russia and the countries of these associations. To assess the trends in trade and economic relations within the Union State and the EAEU, trade intensity indices are used, which makes it possible to identify the most promising trading partners among the BRICS+ countries. The study also revealed the need to assess the potential and prospects for increasing exports from the US of Russia and Belarus and EAEU countries to the BRICS+ countries. To solve this problem, an assessment was made of the index of propensity to export from the US of Russia and Belarus and EAEU countries to the BRICS+ countries, which made it possible to identify the limits and means for implementing possible programs for coupling the development of the US of Russia and Belarus, EAEU format with the countries of the expanded BRICS+ format.

Keywords: Union State, EAEU, BRICS+, trade indices, connectivity.

DOI: 10.31857/S0207367624120074